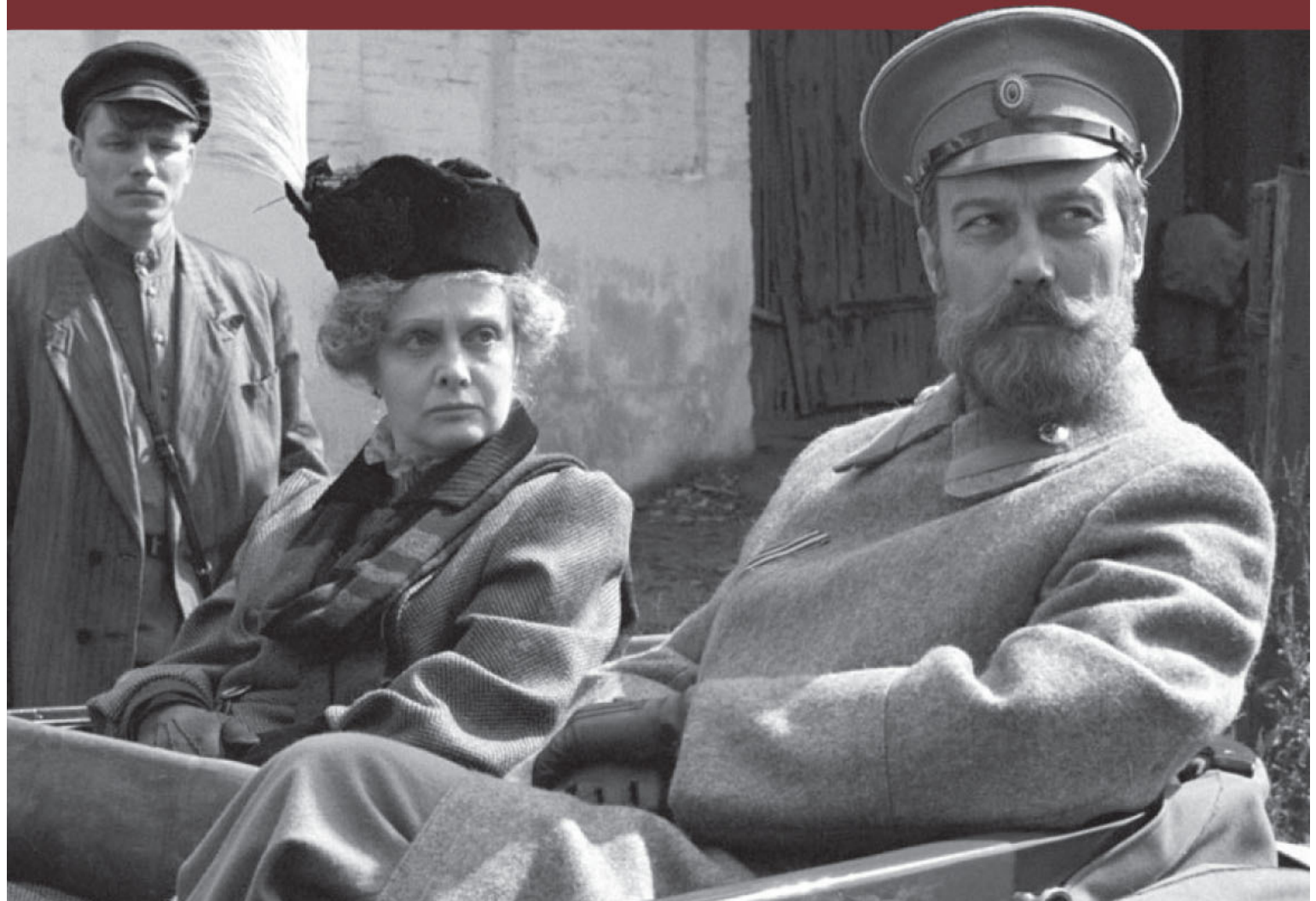

С Е М Е Н Р Е З Н И К

ЦАРЕУБИЙСТВО

Семен Резник

**Цареубийство. Николай II: жизнь,
смерть, посмертная судьба**

«Алетейя»

2018

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(3)611

Резник С. Е.

Цареубийство. Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба /
С. Е. Резник — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907115-06-4

Книга охватывает многовековую историю российского самодержавия, но основное внимание автора сосредоточено на царствовании Николая II, убийстве его семьи и ее посмертной судьбе. Показано, что хотя со времени расстрела царской семьи прошло сто лет, проблемы цареубийства остаются острыми в современной России и от того, как они решаются, во многом зависит ее настоящее и будущее.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(3)611

ISBN 978-5-907115-06-4

© Резник С. Е., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

От автора	5
Часть I	7
Вместо вступления	7
Рюриковичи	10
Смута	13
Романовы	15
Вторая Смута	19
Псевдо-Романовы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Семен Резник

Цареубийство. Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба

От автора

Эта книга написана к столетию со дня расстрела царской семьи.

В ней прослежена тысячелетняя драма российского самодержавия, с ее жестокой борьбой за власть, борьбой без правил, с переворотами, убийствами царей, престолонаследников, претендентов на престол. В этом контексте царствование Николая II, включая его трагический финал, при всей уникальности, во многом оказывается повторением пройденного.

Но совершенно беспрецедентна посмертная судьба Николая II и всего августейшего семейства.

В книге повествуется о том, как и почему Николай II был свергнут с престола, о том, что предшествовало расстрелу царской семьи, о самом расстреле, о трусливых и бестолковых метаниях палачей в попытках замести следы злодеяния. О неуклюжем «расследовании» цареубийства следователем Соколовым под руководством генерала Дитерихса. О нелепых политических играх вокруг уже не существующего престола в кругу уцелевших родичей царя. О самозванцах и самозванках, разыгрывавших роли *чудесно спасшегося* царевича Алексея и *чудесно спасенной* царевны Анастасии.

Полны захватывающего драматизма поиски захоронения царской семьи, увенчавшиеся успехом, который хранился в тайне более десяти лет. Не менее драматична история идентификации «екатеринбургских останков». Почти четверть века назад, совместными усилиями ученых разных специальностей и разных стран, с использованием традиционных и новейших молекулярно-генетических методов, были идентифицированы останки царя, царицы, их трех дочерей, а также четырех служителей, разделивших их судьбу. После этого результаты научной экспертизы многократно перепроверялись, уточнялись и подтверждались с достоверностью, не оставляющей места для разумных сомнений (*without reasonable doubt*). А затем были найдены и идентифицированы останки двух лиц, отсутствовавших в основном захоронении: царевича Алексея и царевны Марии. Эта дополнительная находка подвергла прежнюю экспертизу строжайшему экзамену и снова с триумфом ее подтвердила.

Однако влиятельные круги российских национал-патриотов не ладят с наукой. Церковь признала Николая II и всех членов августейшей семьи *святыми великомучениками*, а их «мощи» остаются неприкаемыми. Владыки «не согласны» с тем, что эти останки царские, и отказываются их похоронить с подобающими почестями. Как католическая инквизиция не желала признать, что «все-таки она вертится», так нынешние владыки русского православия отказываются признать аутентичность «екатеринбургских останков». Противостояние науки и религии в XXI веке достигло столь же высокого накала, каким он был в век Джордано Бруно и Галилея.

Кто мог бы придумать такие острые сюжетные повороты, какие связаны с жизнью, смертью и посмертной судьбой последнего русского царя? Никто. Богиня истории Клио щедрее на изобретение захватывающих сюжетов, чем Канон Дойл, Агата Кристи и другие классики детективного жанра.

В книге частично использованы мои ранее написанные произведения: «Вместе или врозь»¹ и эссе «Цареубийство в русской истории»². Они переработаны, дополнены и составляют общее целое с вновь написанными главами. Ссылки на используемые источники даются по ходу повествования, но я особо хочу сказать об одном из них. Это выдающийся по всеохватности и добросовестности труд Наталии Розановой «Царственные страстотерпцы: посмертная судьба» (М., «Вагриус», 2008, 560 стр.). В историко-документальной литературе немного примеров, когда повествование основано на столь обширном материале, тщательно выверенном, глубоко и тонко проанализированном. Большую помощь мне оказало и личное общение с Наталией Розановой – «путем взаимной переписки». Выражаю ей сердечную благодарность.

В работе над книгой мне, как всегда, помогала моя жена Римма Резник.

Семен Резник

Март 2018 г.

¹ Семен Резник «Вместе или врозь? Судьба евреев в России: заметки на полях двухтомника А.И. Солженицына», М., «Захаров», 2003, 2005.

² Семен Резник. «Сквозь чад и фимиам: историко-документальная проза разных лет». С. 5–54.

Часть I

Цареубийство в русской истории

*Правление в России есть самовластье, ограниченное удавкой.
Мадам де Сталь в переводе А. С. Пушкина*

Вместо вступления

Когда еще в юности я прочитал романизированную биографию Стефана Цвейга «Мария Стюарт», меня поразила настойчиво повторяемая мысль автора. Она сводилась к тому, что казнь плененной королевы Шотландии, на которую решилась ее соперница и ненавистница Елизавета Английская, была величайшим революционным актом. Она стала прологом к крупнейшим потрясениям и, в конечном счете, привела к ликвидации режимов абсолютной монархии в Европе.

Развивая свою мысль, писатель утверждал, что в основе монархической системы правления лежат некоторые незыблемые постулаты, и главный из них – неприкосновенность личности монарха. Какие бы глупости и безумства монарх ни совершал, он не подлежит людскому суду. Воля монарха – высший закон. Монарх, по определению, не может быть нарушителем закона, то есть совершить преступление, и, следовательно, он не может быть судим и наказан. Свержение монарха с престола, а тем более казнь или убийство его самого или наследника – это не просто преступление, которое может быть искуплено наказанием и раскаянием, а такое грандиозное деяние, которое выходит за рамки обычных человеческих представлений о добре и зле. Монарх ответственен только перед Богом; тот, кто посягает на его власть и жизнь, идет против Бога.

Король может пасть в бою с неприятелем, но если он захвачен в плен, он все равно остается монархом со всеми вытекающими последствиями. Священный характер особы монарха оберегает его надежнее любой охраны и обеспечивает стабильность государственного строя. Такие явления, как борьба группировок за верховную власть, при монархии сведены к минимуму. Вероятность тайных заговоров против особы монарха, если и не исключена полностью, то крайне мала. Различные круги и группировки могут вести борьбу за влияние на монарха, но все интриги, бушующие вокруг или внутри королевского дворца, утихают у подножья трона.

Вот эту вековую традицию, по Цвейгу, нарушила королева Елизавета. Начался медленный, но неотвратимый переворот в общественном сознании. Сброшенный с горы камень вызвал лавину. Кровавые революции последующих столетий покончили с преобладанием монархий в Европе.

Мысль Цвейга произвела на меня сильное впечатление, но это не значит, что я сразу с ним согласился. Я уже немного знал русскую историю – настолько, чтобы понимать, что, по крайней мере, к одной монархии его формула неприменима.

Мне хотелось разобраться, в чем тут дело. Если неприкосновенность особы государя – это основа монархического строя, то Россия не была монархией! Но как же так? «Российская империя», «российское самодержавие» и «российская монархия» – эти понятия считались тождественными.

Много позднее я прочитал классический труд Шарля Монтескье «О духе законов». Книгу «Избранного» Монтескье мне подарили еще в детстве, видимо, по недоразумению. Я несколько раз брался ее читать, но для детского восприятия философский трактат был непонятным и

скучным. Много лет книга сиротливо ютилась на полке. Я снова взял ее в руки уже в зрелом возрасте и прочел на одном дыхании.

Монтескье анализировал основные формы государственного устройства, выявляя сходство и различие между ними. Он делал это с такой глубиной и проницательностью, что его основные положения незыблемы и сегодня.

Французский мыслитель XVIII века выделял три основные формы правления: республику, монархию и деспотию. При этом под монархией он понимал абсолютную монархию: современный ему британский режим, при котором король царствовал, но не управлял, Монтескье считал республикой под оболочкой монархии. Истинная монархия – это абсолютизм, воля государя в ней высший закон.

В чем же разница между монархией и деспотией? Не в том же состоял смысл трактата, чтобы сказать, что «хороший» самодержец – это монарх, а «плохой» самодержец – деспот. Монтескье интересовали основополагающие принципы разных видов правления, а не то, как эти принципы воплощаются в конкретных случаях. Он показал, что между абсолютной наследственной монархией и деспотией имеются глубокие различия, которые накладывают отпечаток на общественное устройство и на общественное сознание стран и народов.

Монарх принимает престол по праву рождения. Власть переходит к нему автоматически от предшественника и так же автоматически передается преемнику. «Король умер, да здравствует король!» Власть монарха никем не оспаривается, потому он не озабочен ее удержанием. У него нет необходимости привлекать на свою сторону одни влиятельные круги, подрывать могущество других, заманивать в сети потенциальных соперников. Монарх над схваткой. Он может быть умен или глуп, покладист или своеволен, дальнорук или близорук. Он может быть милостив или жесток, прямодушен или вероломен – словом, он человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Но он всегда вне партий или группировок, вне мелких интриг и узких интересов.

Он опирается на привилегированный слой – дворянство, причем привилегии дворян тоже наследственны и неотторжимы. Для дворянина преданное служение государю, готовность умереть за него является высшей доблестью и честью. Вместе с тем понятия чести могут заставить дворянина отказаться от выполнения бесчестного, подлого приказа. То есть хотя воля государя – высший закон в монархическом обществе, традиционные понятия чести не позволяют монарху слишком сильно злоупотреблять своей абсолютной властью.

В монархии действует, по крайней мере, один закон, который выше воли государя. Это закон о престолонаследии. Монарх не может его отменить или с ним не считаться. Этим обеспечивается преемственность власти и стабильность всей государственной системы. Чем тверже соблюдается закон о престолонаследии, тем прочнее монархический режим. Формального закона о престолонаследии мало – нужно еще такое моральное и духовное состояние общества, когда сама мысль о том, чтобы посягнуть на порядок престолонаследия, считалась бы верхом греха и кощунства, о котором страшно даже подумать. Только если в общественном сознании происходят такие глубокие сдвиги, что монархический режим становится для него неприемлемым, закон о престолонаследии, да и сам престол теряют свою стабилизирующую роль. Тогда происходит революция, которая ведет к смене общественного строя. Неприкосновенность монарха становится фикцией. Более того, поскольку свергнутый монарх вольно или невольно оказывается знаменем контрреволюции, то он почти неминуемо становится жертвой расправы революционеров, как это было в Великобритании в XVII и во Франции в XVIII веках.

При деспотии действуют иные закономерности. Самодержавная власть сидящего на троне лица обеспечивается не законом или традицией, а силой. Силой же она может быть отнята. Самодержец должен постоянно заботиться об укреплении своей власти. Он должен привлекать к себе сторонников, расширять их круг, всячески одаривая их и постоянно опасаясь измены. Опираясь на одни группировки, он подавляет другие. И постоянно интригует, дабы не

стать жертвой интриг. Деспот всегда начеку. Он подозревает в коварных замыслах даже самых преданных своих сторонников, поощряет тайный сыск и доноительство, а потому никто из его приближенных не может чувствовать себя в безопасности. Привилегии, которыми деспот наделяет своих приближенных, в любой момент могут быть отняты, имущество конфисковано, а сами они могут быть подвергнуты пыткам, казнены или заживо похоронены в каземате.

Если при монархии общество разделено на сословия, наделенные наследственными правами и привилегиями, то в деспотии такое разделение призрачно. Подданные государя равны в своем бесправии. Могущественный клевет, истязавший в застенке своих врагов, знает, что в любой момент может поменяться с ними местами. Конечно, и законы чести при таком строе призрачны.

Самый зависимый, самый уязвимый раб деспотического строя – сам деспот. Он завоевывает власть в борьбе и в борьбе может ее утратить, побежденный более могущественным или коварным соперником. В этой смертельной борьбе все средства хороши. Если в монархии личность самодержца неприкосновенна и свята, то при деспотии ничто не стоит так дешево и не проливается столь обильно, как царская кровь.

Итак, взгляды Стефана Цвейга на природу монархии оказались весьма близкими взглядам Шарля Монтескье. Это не могло быть случайным. Стефан Цвейг был европейски образованным писателем. Труды Монтескье изучались в каждом серьезном курсе философии и политологии. Мне стало ясно, что «Мария Стюарт» Стефана Цвейга – это великолепная художественная иллюстрация к «Духу законов» Монтескье.

Сам Монтескье иллюстрировал свои мысли гораздо скупее, в основном примерами из античной истории. Лишь изредка он обращался к более поздним временам, упоминая некоторые события, происходившие в европейских странах, Персии, Китае, Японии. Россию он упоминал мельком, всего несколько раз. Из этих упоминаний видно, что французский мыслитель XVIII века не считал Россию монархией: для него это был типичный пример деспотии³.

³ Считаю не лишним подчеркнуть, что далее анализируются некоторые особенности российской государственности, а не страна и ее культура. Я не считаю, что «каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет». Если, с оговорками, это применимо к представительной демократии, где народ свободно избирает своих правителей, то никак не к деспотии, в которой правление навязано силой.

Рюриковичи

Возникновение российской государственности окутано туманом древних преданий. Согласно летописям, она началась с появлением в Новгороде, а затем и в других восточнославянских поселениях варяжских дружин Рюрика и его братьев.

Потомки Рюрика заняли княжеские «столы», но первым среди равных стал Великий князь Киевский, и за киевский стол между Рюриковичами шла нескончаемая борьба.

Уже в древнейших летописях мы находим предание о Борисе и Глебе, младших братьях Киевского князя Святополка. Видя в них потенциальных соперников, он их предательски умутил.

Эти события относятся к началу XI века. Православная церковь возвела Бориса и Глеба в ранг святых покровителей Руси. «Можно думать, что святость Бориса и Глеба и проклятие, тяготевшее над Святополком, не раз удерживали впоследствии братоубийственные руки», — писал один из авторитетнейших российских историков С.М. Соловьев.

Однако борьба за власть между потомками Рюрика продолжалась и в следующих поколениях. Яд и кинжал пускались в ход не менее часто, чем военные дружины. Летописи сохранили немало историй о том, как замирялись вчерашние противники, как задавали друг другу пиры, целовали крест в знак верности взятым на себя обязательствам, а затем тот, кто был хитрее и коварнее, учинял расправу над поверившим ему простаком. Даже нашествие монголов на Русь не ослабило этой борьбы. Продолжалась она и после возвышения Москвы; изменилось только то, что предметом воцелений стал не киевский «стол», а московский. Вот, например, краткая энциклопедическая справка об одном из московских самодержцев XV века Василии II Темном, сыне Василия I: *«Вел борьбу за Великое княжение с дядей Юрием Галицким и двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым, был взят в плен и ослеплен (1446). При поддержке части феодалов и горожан одержал победу»*⁴.

После освобождения от монгольского ига могущество Московского княжества продолжало усиливаться, но на вершине власти с прежним ожесточением происходили смертельные схватки противостоявших соперников.

Великий князь Иван Васильевич (Иван III, 1440–1505), немало способствовавший усилению Московского княжества, добился окончательного освобождения от Золотой Орды — в 1480 году. Некоторые историки называют его Иваном Великим. Свою власть он отстаивал в борьбе с восставшими против него братьями. Они с ним ссорились и мирились, ища удобного случая для расправы. Когда стало ясно, что Ивана Васильевича не одолеть, завязалась борьба за его наследие. Первоначально Великий князь объявил своим наследником и даже соправителем старшего сына Ивана, у которого после женитьбы на дочери польского короля Казимира Елене родился сын Дмитрий. Однако Иван Иванович умер молодым, в 1490 году, так и не дождавшись престола. Пошла молва, что он был отравлен второй женой Великого князя Софьей, которая хотела, чтобы трон достался *ее* сыну Василию. Вопреки ее ожиданиям, Великий князь назначил наследником внука Дмитрия и даже присвоил ему титул Великого князя. Тогда Софья и стакнувшееся с ней духовенство «пошли другим путем». Некоторые приближенные Великого князя, наиболее просвещенные и пытавшиеся провести политические и церковные реформы, были обвинены в ереси «жидовствующих». После недолгого сопротивления состарившийся Великий князь их «сдал», они кончили жизнь на костре или на плахе. Мать наследника Елену обвинили в причастности к той же ереси и бросили в темницу, а заодно и ее сына Дмитрия.

⁴ БСЭ, изд. 3, т. 4. С. 332.

Наследником, а потом и Великим князем, стал Василий Васильевич (Василий III, 1479–1533), чего так страстно жаждала его мать Софья. Елена через два года умерла в тюрьме, а Димитрий продолжал томиться в заточении.

«Событие с Димитрием и Василием было проявлением самого крайнего... самовластья, – констатировал один из крупнейших историков XIX века Н.И. Костомаров. – Ничем не стеснялся тот, кто был в данное время государем; не существовало права наследия; кого государь захочет, – того и обличает властью».

После внезапной смерти Василия III взшел на престол Иван IV. В трехлетнем возрасте. Облеченного всей полнотой власти регента при мальчике не было. Десять лет страну терзало «коллективное руководство» враждовавших между собой боярских групп с обычными в таких случаях сговорами и заговорами, интригами и убийствами. Все это происходило на глазах малолетнего государя. Правители либо не принимали его в расчет, либо использовали как оружие в своих интригах. Во взаимных разборках они проглядели его возмужание и превращение в Грозного самодержца, способного на такие злодеяния, которые им самим и не снились.

С тринадцати лет великий князь Иван Васильевич стал прибирать к рукам бразды правления, а в семнадцать лет, в 1547-м, провозгласил себя царем. Значит ли это, что он стал монархом? Увы, нет. Трудно найти в истории человечества более страшного деспота. Сперва Иван Грозный возвысил окольного Алексея Адашева, который чинил суд и расправу именем царя. Но слишком большая самостоятельность правителя посеяла подозрительность в душе государя. Он был одержим страхом перед готовящимся восстанием, заговором, цареубийством. Он заточил Адашева в тюрьму, а репрессии развернул с еще большим размахом, создав специальное сыскное ведомство, *опричнину*, во главе с Малютой Скуратовым-Бельским.

Во время тяжелой болезни Ивана – тогда еще бездетного – бояре, дабы избежать новых междоусобиц, сговорились, что, в случае смерти царя, возведут на престол его двоюродного брата Владимира Старицкого. Но Иван выздоровел. Узнав о сговоре бояр, он велел схватить потенциального соперника и, вволю покуражившись над ним, заставил выпить яд. А Малюта Скуратов собственными руками задушил митрополита Филиппа, высказавшего недовольство опричниной.

Борьба с заговорами – действительными и мнимыми – стала содержанием всей жизни Ивана, из года в год ожесточая его и без того жестокий нрав. Страх, нагоняемый на подданных, был единственным средством удерживать власть. Боясь обнаружить слабость, Иван привык давать волю своему неистовому гневу, не задумываясь о последствиях. В порыве безумной ярости он собственными руками убил в чем-то возразившего ему сына, царевича Ивана. Это злодеяние, свершившееся в 1581 году, предопределило гибель династии Рюриковичей.

Иван Грозный был современником Елизаветы Английской и Марии Шотландской, но если казнь Марии Стюарт потрясла монархическую Европу, то убийство Иваном IV несостоявшегося Ивана V не произвело в России заметного впечатления: при деспотическом режиме подобное событие было заурядным. Правда, сам царь Иван, опомнившись после совершенного злодеяния, созвал бояр, начал каяться и объявил, что не хочет больше царствовать. А так как второй его сын, Федор, по слабоумию своему к роли самодержца был не способен, то Иван предложил боярам избрать царем кого пожелают. Казалось бы, представился случай избавиться от страшного деспота. Однако напуганные его неистовством бояре заподозрили, что Иван только куражится над ними. Стоит им назвать другого царя, как он расправится и с ним, и с теми, кто за него выскажется. Они заявили, что никого другого не желают и «упрашивали самого Ивана не покидать престола»⁵.

⁵ С.М. Соловьев. Об истории Древней России. – М., «Просвещение», 1995. С. 47.

Но дни царствования Ивана Васильевича были сочтены. «В начале 1584 года обнаружилась в нем страшная болезнь – следствие страшной жизни: гниение внутри, опухоль снаружи»⁶. Грозный настолько запугал и подавил потенциальных соперников, что смог удержать власть до последнего своего дня и умер в своей царской постели – явление нечастое в истории российского самодержавия.

Шапка Мономаха легла на голову слабого умом Федора и – придавила его своей тяжестью. Всеми делами при нем заправляла группа придворных, интриговавших друг против друга и использовавших его как ширму. Самым умным и дальновидным из правящей клики оказался Борис Годунов, постигший алгебру и гармонию деспотического режима в его высшей академии: в ведомстве Мал юты Скуратова. Женившись на дочери Мал юты, Годунов обеспечил себе быструю карьеру. Выдав свою сестру Ирину за царевича Федора, он еще больше укрепил свое положение.

Федор и Ирина детей не имели. Наследником престола числился третий сын Ивана Грозного, малолетний Димитрий. Годунов сослал его вместе с матерью Натальей, из рода Нагих, в Углич, так как сам мечтал о царском венце.

В 1591 году в Угличе произошло несчастье – при загадочных, вернее не до конца выясненных обстоятельствах. По версии официального заключения комиссии Василия Ивановича Шуйского, которой Борис Годунов поручил расследование случившегося, у девятилетнего царевича, при игре «в ножички», произошел приступ падучей болезни; падая, он напоролся на нож и погиб. По другой версии – наиболее вероятной – царевич был зарезан подосланными убийцами. Так позднее заявлял тот же Шуйский. И, наконец, известна версия, по которой царевич спасся, чтобы потом занять российский трон. Само существование столь разных версий ясно говорит о том, какие страсти бушевали вокруг царского венца— предмета вождельний для очень многих и очень разных претендентов.

Согласно «общественному мнению» современников, идя к своей цели, Годунов совершал новые и новые злодеяния. Через год после гибели Димитрия у царя Федора и Ирины родилась-таки дочь Феодосия. Девочка не прожила и года. При уровне детской смертности тех времен естественный характер ее смерти более чем вероятен. Но, как писал историк С.М. Соловьев, «в Москве плакали и говорили, что царскую дочь уморил Борис». Другой наследницей престола могла быть дочь Владимира Старицкого Марфа. Выданная замуж за Ливонского короля, она рано овдовела и вернулась в Россию. Ее устранили с дороги пострижением в монахини, что означало смерть для мирских дел; молва твердила, что пострижение было насильственным. Дочь Марфы Евдокия умерла в нежном возрасте, что опять-таки породило слухи, что ее «извели» по наущению Годунова.

Еще одним возможным наследником слабоумного царя Федора мог быть крещеный касимовский хан Симеон Бекбулатович – прямой потомок Чингизхана. По капризу юродствовавшего Ивана Грозного Симеон был им «венчан на царство» и около года номинально сидел на Московском престоле. В подобострастных посланиях Иван «бил челом» *«Государю великому князю Семionу Бекбулатовичю всеа Руси»*. Была ли игра вызвана политической необходимостью, или Иван просто куражился, – об этом историки спорят до сих пор. Прогнав опереточного царя, Иван сохранил пожалованный ему титул. После смерти Грозного Симеон Бекбулатович именовался «царем тверским и первенствовал пред боярами», как писал тот же С.М. Соловьев. Некоторые боярские кланы делали ставку на Симеона. Так как позднее Симеон ослеп, то «в этом несчастий летопись прямо обвиняет Годунова».

⁶ Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, – С. 244.

Смута

В 1598 году, после смерти царя Федора, которую молва также относила на счет Годунова, Борис переиграл всех оставшихся соперников и был венчан на царство. Он основал новую династию. Среди других претендентов на престол был Федор Никитич Романов, двоюродный брат царя Федора. Вполне понятно, что, воцарившись, Борис подверг Романовых опале. Федор Никитич был заточен в тюрьму, а затем насильственно пострижен в монахи под именем Филарет.

Но царствовать новой династии пришлось недолго. В 1604 году появился на русской земле Лжедмитрий (или названный Димитрий, как осторожнее выражается Н.И. Костомаров), и участь Годуновых была решена. Посылавшиеся против самозванца войска переходили на его сторону, и он, почти не встречая сопротивления, продвигался к Москве. Когда поражение стало неизбежным, Борис то ли умер от страха и отчаяния, то ли отравился. Царем стал его сын Федор. Второй (и последний) Годунов продержался на престоле полтора месяца. Московские бояре, стремясь подольститься к победителю, взбунтовали народ и свергли Федора Борисовича. Его убили вместе с матерью и сестрой. Род Годуновых перестал существовать.

А уже через год такая же участь постигла и названного Димитрия. Превосходя своих соперников образованностью, умом и многими талантами, он уступал им в коварстве, потому и был обречен. На царство был венчан Василий Иванович Шуйский, один из самых бывалых прохвостов той богатой прохвостами эпохи.

Его долгий путь к царскому венцу изобиловал опасностями и крутыми поворотами. Много раз он участвовал в заговорах, за что попадал в опалу и ссылку, много раз униженно вымаливал прощение, клялся в верности, чтобы затем снова устраивать заговоры и предавать. Так он действовал при царе Федоре, при Борисе и Федоре Годуновых, при названном Димитрии. Предав Годунова, он помог названному Димитрию войти в Москву. А затем стал распускать слухи, что настоящий Димитрий убит. Его схватили, судили боярским судом, приговорили к смертной казни. При огромном стечении народа Василия Ивановича выволокли на Лобное место. Он покорно опустился на колени, положил голову на плаху... Царское помилование остановило уже занесенный топор палача. За эту неожиданную милость Василий Иванович отплатил названному Димитрию тем, что возглавил новый заговор против него, увенчавшийся успехом.

Но появился на Руси Лжедмитрий Второй, и от Шуйского отшатнулись, как раньше от Годунова. В Тушине, в лагере Второго самозванца («Тушинского вора») объявился даже монах Филарет (Федор Романов). Лжедмитрий Первый вернул его из ссылки и возвел в сан митрополита Ростовского. Облаготельствованный священнослужитель отплатил ему тем, что примкнул к Шуйскому. Затем он предал Шуйского и объявился в лагере Лжедмитрия Второго. Тот возвел его в сан патриарха.

С огромным трудом Василий Шуйский одолел «Тушинского вора»: тот бежал, был схвачен и казнен. Та же участь постигла и Лжедмитрия Третьего. Казнена была и Марина Мнишек – жена всех трех самозванцев, а также ее малолетний сын от одного из них. Лжерюриковичи были искоренены поголовно, как до них – Годуновы и настоящие Рюриковичи.

Но Василий Шуйский удержался у власти только три года.

В 1610 году, когда его войска потерпели поражение от поляков, бояре решили избавиться от него и пригласить на московский престол Владислава— сына польского короля Сигизмунда. Василий Шуйский был схвачен, насильственно пострижен в монахи и выдан полякам. Его увезли в Польшу и через некоторое время убили. Был схвачен поляками и увезен в плен и враг Шуйского – патриарх Филарет. Народное ополчение, собранное Кузьмой Мининым,

под командованием князя Дмитрия Пожарского нанесло поражение полякам. Владиславу пришлось отказаться от притязаний на российскую корону.

Романовы

В обескровленной стране был созван Земский Собор для избрания нового царя. По знатности происхождения и по личным заслугам одним из наиболее вероятных кандидатов на престол был князь Дмитрий Пожарский, но от притязаний на власть он отказался. Он отстаивал независимость России, не стремясь ни к каким личным выгодам.

Другим, из наиболее влиятельных, кандидатом мог быть Федор Никитич Романов (патриарх Филарет), но он находился в польском плену. Собор вручил скипетр юному и слабому сыну Филарета Михаилу Федоровичу Романову и «его потомкам на вечные времена».

В 1613 году возникла новая династия. Появилась надежда, что с деспотическим периодом российской истории покончено: начинается период наследственной монархии. Появились и признаки того, что эти надежды сбываются.

Сам Михаил оказался слабым и недалеким правителем, но его именем уверенно правил вернувшийся из польского плена отец – патриарх Филарет. После смерти Филарета в 1633 году положение осложнилось, но не настолько, чтобы кто-либо решился посягнуть на права Михаила. Он процарствовал еще 12 лет, и его смерть тоже не привела к потрясениям. Венец перешел к его сыну Алексею.

При «добром» царе Алексее Михайловиче (1645-76) государство значительно окрепло. Под его руку гетман Богдан Хмельницкий подвел Украину. Но вместе с тем креп производ властей, против чего вспыхивали бунты в Москве, Новгороде, Пскове. Алексею Михайловичу пришлось выдать на растерзание москвичам некоторых особенно ненавистных сановников, чтобы утихомирить бунтарей. Гнев народа в основном был направлен на боярина Морозова, так как было известно, что царским именем правит Морозов и его клика.

Царь был спасен, но страшно напуган. Он ввел закон, по которому каждый, кто слышал что-либо оскорбительное для царя, обязан был донести; недонесение каралось смертью. «Понятно, что каждому, слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы, приходила мысль сделать донос, чтобы другой не предупредил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за недонесение», – комментировал Н.И. Костомаров⁷.

В 1667 году вспыхнула жестокая «крестьянская война» Стеньки Разина. Среди повстанцев находился некий Максим Осипов по кличке Нечай. Он выдавал себя за сына царя Алексея, и Разин планировал посадить его на престол. Другой самозванный сын Алексея Михайловича, Лжесимеон, обретался среди запорожских казаков. Появление самозванцев говорило о том, что на них был спрос. Какие-то круги стремились заменить царя Алексея своими ставленниками.

У Алексея Михайловича и его первой жены из сильного боярского клана Милославских было два сына, Федор и Иван, и несколько дочерей, из которых выделялась царевна Софья. Когда жена царя впала в немилость, ее постригли в монастырь. Таков был обычный способ избавиться от «постылой» царицы и жениться вторично. Второй женой Алексея Михайловича стала Наталья Нарышкина. Она родила ему третьего сына – Петра. Так были посеяны семена будущих битв за власть.

Правда, смерть Алексея Михайловича не вызвала потрясений: Петр едва вышел из младенческого возраста, и Нарышкиным рассчитывать было не на что. Царем стал 14-летний старший сын покойного, Федор Алексеевич. Плавный переход власти от отца к старшему сыну стал входить в обычай. Если бы царствование Федора Алексеевича было долгим и благополучным, такая традиция имела бы шансы укорениться. Но, увы! Процарствовав шесть ничем не примечательных лет (1676-82), Федор Алексеевич умер, не оставив потомства. Царем должен

⁷ Костомаров Н.И. Указ, соч., кн.1. С. 678.

был стать второй сын Алексея Михайловича, Иван. Однако взбунтовавшаяся толпа стрельцов и городской черни «выкрикнула» Петра. То был «экспромт», хорошо подготовленный кланом Нарышкиных. Под их воздействием Патриарший Собор утвердил избрание на престол младшего из Романовых, Петра, коему было 10 лет. Это означало переход власти к клану Нарышкиных, что не могло устроить клан Милославских, в особенности царевну Софью, имевшую далеко идущие планы. На похоронах Федора Алексеевича она, в нарушение всех традиций, пошла за гробом вместе с Петром, громко голоса, заливаясь слезами и выкрикивая, что брата ее *извели*.

Каких-либо данных о том, что царь Федор Алексеевич был умерщвлен, не имеется, но такие случаи были столь частыми в прошлом, что стенания царевны Софьи произвели сильное впечатление на толпу. По Москве пошли тревожные пересуды. А еще через несколько дней был пущен слух, будто Нарышкины *извели* и не допущенного к власти царевича Ивана. Это вызвало новый стрелецкий бунт – теперь он был организован Милославскими. Толпа чуть было не растерзала малолетнего Петра и его мать Наталью. Несколько бояр было сброшено на стрелецкие пики, их изрубили на куски.

К счастью, Иван был тут же, во дворце. Его вывели на крыльцо, «предъявили» народу, это несколько утихомирило страсти. Но толпа продолжала бесчинствовать и требовать новых жертв. Пережитые ужас и страх наложили неизгладимый отпечаток на характер Петра и на его методы управления страной. А пока что был собран новый Патриарший Собор, который утвердил на троне сразу двух царей. Иван стал «первым» царем, Петр – «вторым», а правительницей – в виду малолетства обоих – царевна Софья.

Немало хитростей, лести, подкупа и провокаций пришлось пустить в ход Софье и ее приближенным, чтобы утихомирить ими же взбунтованных стрельцов – основную вооруженную силу в Москве. Братья ее между тем росли, приближая конец ее правления.

Болезненный и слабоумный Иван проводил время в молитвах и государственными делами не интересовался. А вот подраставший Петр становился для Софьи все более опасен. Софья изобретала способы избавиться от него, чтобы самой венчаться на царство. Однажды Петру пришлось бежать из Преображенского, куда двигалась направленная Софьей толпа стрельцов, чтобы его погубить. Софья и после этого не оставляла своих планов. Она пыталась втянуть в заговор Ивана, но богобоязненный первый царь отказался идти против «братца».

Подросший Петр при первой возможности рассчитался с «сестрицей». В 1689 году она была низложена и пострижена в монастырь. Младший царь узурпировал власть, нимало не считаясь со старшим. А после ранней смерти Ивана (опять невольный вопрос – естественной ли? не помогли ли ему очистить место?) Петр формально стал единодержавным царем, в 1721-м провозгласил себя императором.

Как ни был Петр увлечен созданием флота, строительством Петербурга, учреждением Академии Наук и бритьем боярских бород, он ни на минуту не забывал о том, каким путем «достиг верховной власти» и сколько бдительности требуется, чтобы ее удерживать. Он принимал меры против возможных интриг со стороны заточенной в монастырь Софьи, у которой оставалось немало тайных сторонников. Он учинял кровавые расправы над присмирившими, но продолжавшими вызывать недоверие стрельцами, самолично рубил им головы. Держал в острастке церковь, за что прослыл дьяволом в кругах духовенства. Учинил тайный сыск, всюду выискивая крамолу.

Во второй половине славного царствования, когда вся Россия, казалось бы, стала послушна любому жесту самодержца, возникла новая проблема: сын императора Алексей. Подросший царевич таил неприязнь к отцу из-за его сурового нрава и из-за обхождения с его матерью Евдокией, которую Петр сослал в монастырь, чтобы жениться вторично: на бойкой дочери литовского крестьянина и любовнице князя Меншикова Марте, принявшей имя Екатерина.

Угрозы для самодержавной власти Петра царевич Алексей не представлял. Он не замыслил никаких заговоров, а терпеливо ждал своего часа. Но, находясь под влиянием церковных кругов и клана родичей своей матери, Алексей не скрывал негативного отношения к петровским реформам, к войнам, флоту и многому другому, чем Петр гордился. Не оставалось сомнений в том, что, взойдя на престол, Алексей откажется от многих начинаний отца. Петр пытался увлечь сына своими проектами, учить наукам, фортификации, нещадно бил палкой за нерадивость и нерасторопность ума.

Петр хотел, чтобы его реформы, говоря современным языком, приняли необратимый характер, то есть чтобы его самодержавная воля правила страной и после его смерти. Чем дальше, тем становилось яснее, что царевич Алексей тому главная помеха. Петр потребовал от сына отречения от права наследия или пострижения в монахи. Запуганный Алексей соглашался на то и на другое, клялся, что всегда будет верен своему слову. Но Петр не верил этим клятвам, понимая, как мало будет стоить подписанная Алексеем бумажка после того, как он сам уйдет в иной мир. Стремление отделаться от наследника, рожденного «постылой» женой Евдокией, сильно возросло, когда появился на свет второй сын – от игривой Екатерины.

Петра не остановило ни естественное отцовское чувство, ни сознание святости царской крови, которого, впрочем, у него не было и не могло быть, ни элементарное чувство чести, обязывавшее держать царское слово.

Опасаясь за свою жизнь, опальный царевич бежал за границу, под покровительство австрийского императора. Лазутчики Петра выследили его, угрозами и посулами побудили воротиться. Петр обещал сыну свое отцовское и царское прощение, заверил, что не подвергнет его никаким карам. Привезенный в Москву Алексей, в торжественной обстановке, в присутствии Сената, Синода и всего синклита высших сановников, подписал отречение от престола и поклялся никогда не предъявлять никаких притязаний. Но и этого было недостаточно. Алексей был брошен в каземат, подвергнут истязаниям. Заплечных дел мастера вздымали царевича на дыбе, били кнутом, жгли каленым железом. Отец самолично присутствовал при пытках, требовал признаний в измене.

Царевич признался в мнимых заговорах и оговорил массу друзей, наставников, просто знакомых. Всех их тоже подвергли пыткам, под которыми они оговаривали других. Мнимых заговорщиков казнили страшными казнями – колесованием или четвертованием, «помилованных» стригли в монахи или ссылали в каторжные работы.

Среди прочего на следствии открылось, что однажды царевич нарушил запрет отца и тайно встретился с матерью.

При расследовании этого эпизода выяснилось, что у постриженной в монахини царицы после долгого затворничества разыгралась кровь, и она завела тайного любовника, майора Степана Глебова. Его, конечно, тут же схватили, тоже били кнутом и жгли горячими углями. Майор признался в любовной связи с бывшей царицей, но никаких иных прегрешений за ним не оказалось: ни единым словом он ни разу не высказал ни насмешки, на какого-либо неодобрения в адрес царя. Тем не менее, майора Глебова посадили на кол на Красной площади. Умирал он долго, в жутких мучениях. Так как был лютый мороз, царь приказал надеть на голое тело «преступника» тулуп, дабы он не умер от холода прежде, чем испытает всю меру положенных ему мучений. Бывшая жена Петра, она же – возлюбленная Глебова, должна была присутствовать, видеть мучения казнимого. Приставленная к ней стража следила за тем, чтобы она не могла отвернуться или закрыть глаза.

Чтобы оформить цареубийство, Петр устроил тайный суд над царевичем Алексеем.

Приговор был предreshен. Никто из сановников не осмелился напомнить самодержцу о данном им слове помиловать сына. Смертный приговор подписан 120-ю *назначенными* судьями во главе со светлейшим князем А.Д.Меншиковым, игравшим особую роль в интригах против царевича. У Меншикова, как мы увидим, были свои причины жаждать его смерти.

Приговор был приведен в исполнение воровским путем, словно орудовала шайка разбойников, а не государственная власть. Алексея задушили в каземате Петропавловской крепости, а официально объявили, что он якобы умер от расстройства чувств. Несколько следующих дней царь веселился – то по поводу годовщины Полтавской битвы, то по поводу собственных именин. Только после этого тело царевича было погребено в Петропавловском соборе, рядом с еще раньше скончавшейся его супругой – царевной Шарлоттой. Траура объявлено не было.

Казнь Алексея очистила престол для малолетнего сына Петра от Екатерины-Марты, из которого Петр надеялся вырастить продолжателя своей политики и династии. Этого, конечно, жаждала сама Екатерина и ее партия во главе с Меншиковым. Судьба сыграла с ними горькую шутку. Новый наследник престола умер в 4-летнем возрасте, всего на год пережив казненного Алексея. Связанные с ним надежды рухнули. Произвести на свет еще одного сына Петр уже не мог. Он стремительно старел...

Был, правда, еще один Петр, малолетний сын царевича Алексея, внук Петра I. Но его воцарение означало бы переход власти к тем самым кругам, которые Петр держал в опале.

Пытаясь найти выход из назревавшего нового кризиса власти, Петр в 1722 году издал первый в истории России закон о престолонаследии, с особой яркостью высветивший деспотическую суть российского самодержавия. Императору предоставлялось неограниченное право назначать наследником любое лицо, даже совершенно постороннее царскому роду. Решение Земского Собора, венчавшего на царство первого Романова и вручившего власть ему и его потомству «на вечные времена», утрачивало силу. Как видим, петровский закон о престолонаследии не ограничивал произвола в вопросе о передаче власти, а делал его абсолютным.

Оставалось назвать преемника, но с этим Петр медлил. Через три года с ним случился удар, а наследник так и не был назван. Свалившись в постель, Петр первым делом потребовал перо и бумагу и написал: «Отдайте все...» Писать дальше он не мог и велел позвать дочь Анну Петровну, чтобы продиктовать ей свою последнюю волю. Когда она явилась, он уже ничего не мог сказать... Был 1725-й год. Великое царствование Петра Великого завершилось.

Вторая Смута

Кризис власти, так и не предотвращенный Петром, вызвал новую смуту, хотя и не такую всеохватную, как при падении Годуновых. Судьба престола вновь оказалась в руках враждовавших друг с другом кланов.

Часть из них, вопреки известной, но формально не объявленной воле покойного императора, высказалась в пользу малолетнего Петра Алексеевича. Если исходить из традиции передачи власти по мужской линии, то это было единственно возможное решение. Однако более сильными оказались «птенцы гнезда Петрова» во главе с Меншиковым. Передача венца сыну казненного Алексея означала бы отстранение их от власти, а, может быть, и расправу над ними. Эта группа поспешила провозгласить самодержицей жену Петра Екатерину – ту самую крестьянку-куртизанку, которую Меншиков, сам поднятый из грязи в князи, когда-то уступил своему повелителю.

При монархии такое было бы невозможно. Если властители и решились бы нарушить вековую традицию передачи власти по мужской линии, то у Петра были дочери. Но, оказавшись хозяином положения, Меншиков наводнил дворец гвардейскими офицерами и вывел на площадь два гвардейских полка, «пугавшие барабанным боем уши собранных во дворце сенаторов»⁸. Они постановили объявить императрицей и самодержицей Екатерину, перетолковав для этого в ее пользу петровский закон о престолонаследии.

Благодаря своей сметливости, находчивости, покладистости, фантастической удаче и несомненным женским прелестьям, Марта-Екатерина сделала карьеру, какая не снилась самым обольстительным куртизанкам в мировой истории.

Однако неслыханное решение о возведении ее на престол усилило недовольство приверженцев малолетнего Петра Алексеевича и сплотило их. Покойный император знал бы, как с ними поступить, но без его могучего прикрытия Меншиков и Екатерина чувствовали себя недостаточно прочно для крутых мер. Меншиков, как замечает по этому поводу Н.И. Костомаров, оказался в положении Годунова. Ради собственного спасения ему следовало либо «известить» юного Петра Алексеевича, либо приручить его. Светлейший князь избрал второй путь, за что и поплатился в скором времени. В поисках компромисса Меншиков и Екатерина предложили хитроумный, хотя и совершенно беспринципный план: объявить Петра Алексеевича официальным наследником мачехи его казненного отца – Екатерины I. Для примирения обеих группировок планировалось также обручить малолетнего царевича с дочерью Петра и Екатерины Елизаветой Петровной, невзирая на то, что жена будет приходиться мужу родной теткой. Надеялись, что такая необычная комбинация позволит накормить волков и сохранить овец.

Дело пошло на лад, но в последний момент Меншиков переиграл своих же сторонников, предложив в невесты маленькому царевичу не дочь Петра, а свою собственную. Прожженный царедворец сумел убедить императрицу пойти на этот вариант, хотя Елизавета валялась в ногах у матери, прося не отбирать у нее царевича. Влияние светлейшего князя на Екатерину было столь сильным, что она поставила его интересы выше интересов собственной дочери.

Даже среди единомышленников Меншикова послышался ропот против еще большего усиления «Алексашки», но со строптивцами он тотчас расправился. Под пыткой заговорщики «раскололись» и были сосланы в Сибирь.

Императрица оставалась под полным влиянием Меншикова все два года ее короткого царствования. Когда она опасно заболела, он заставил ее письменно утвердить намеченный план. В завещании императрицы наследником назначался Петр Алексеевич, в невесты ему отдавалась княжна Мария Меншикова, а указ Петра I о престолонаследии, так хорошо послу-

⁸ Н.И.Костомаров. Указ, соч., кн.2. С. 508.

живший ей лично, – отменялся. До совершеннолетия Петра Алексеевича, которому в ту пору было 11 лет, высшая власть переходила к Верховному тайному совету из восьми человек (первый Верховный совет в истории России!). Его решения могли иметь силу только при единогласии. Верховодил в нем, конечно, светлейший князь Меншиков.

Как только Екатерина I скончалась, и воцарился ее малолетний наследник Петр II (1727 год), Меншиков перевез его в свой дворец, чтобы не спускать глаз с мальчика-императора. Но «светлейший» выскочка переоценил свои силы. Своевольному мальчику не нравилась его нареченная невеста княжна Мария Меншикова, он явно благоволил к миловидной 17-летней тетке Елизавете – веселой, остроумной, неистошмой на выдумки и проказы. Она забавляла мальчика-императора, тогда как с Марией Меншиковой ему было скучно, а слишком строгая опека тяготила и раздражала его. Возраставшую неприязнь юного царя к Меншикову исподволь подогревал официальный воспитатель мальчика, барон А.И. Остерман, коего Меншиков считал своим человеком. Князя Голицыны и Долгорукие тоже не упускали случая нашептать мальчику компромат на Меншикова. Они поведали ему, какую роль тот сыграл в судьбе его отца – царевича Алексея. Голицыны и Долгорукие примирились с Меншиковым, и он не подозревал о коварных наветах за его спиной. На какое-то время Алексашка утратил бдительность.

Когда он осознал, что надвигается беда, принимать контрмеры было уже поздно. Ближайший сподвижник Петра Великого, прошедший с ним огонь, воду и медные трубы, был обвинен в государственной измене и крупных хищениях.

Второе обвинение трудно не признать справедливым. Нечист на руку Меншиков был всегда, попался еще при Петре, за что бывал нещадно бит, но потом вымаливал прощение. Конфискованное имущество сосланного светлейшего князя состояло из шести городов, множества имений в России и в других странах, пяти миллионов золотых рублей наличными и вдвое большей суммы в иностранных банках, 90 тысяч (!) крепостных крестьян... А ведь его отец был нищим, никакого наследства он не получил, все имущество было им «нажито», то есть награблено, на царской службе.

Новые властители обошлись с поверженным владыкой на удивление милостиво. Его не колесовали, даже не отрубили голову, а всего лишь сослали, сперва в его имение Раненбург, а затем, после открытия новых его прегрешений, в Березов, где он и скончался в нищете и ничтожестве.

Петр II умер от оспы, процарствовав всего три года. Мужская линия династии Романовых прервалась навсегда.

После падения Меншикова решающее влияние перешло к Долгоруким. Они сделали отчаянную попытку удержать власть, объявив, что покойный царь оставил завещание, по которому передавал корону своей невесте. Ею, конечно, уже была не княжна Меншикова, а княжна Долгорукая. Однако в самом клане Долгоруких возникли раздоры, да и подложность завещания была слишком очевидна. Предлагали передать престол бабке Петра II (первой жене Петра I Евдокии Лопухиной), для чего расстричь ее из монахинь. Но у нее не нашлось сильных сторонников. Казалось бы, венец должен был перейти к одной из дочерей Петра I, Анне или Елизавете. Но Верховный тайный совет порешил призвать на царство племянницу Петра (дочь его старшего брата Ивана) Анну Иоанновну, герцогиню Курляндскую.

Петр в свое время выдал племянницу за герцога Курляндского, устроив пышную свадьбу в Петербурге. На радостях гости так отчаянно напоили жениха, что тот скончался, едва отъехав сорок верст от Петербурга. Молодая герцогиня вступила в свои владения вдовой. Курляндия утратила остатки независимости; всеми делами в ней стал заправлять посланный Петром наместник, П.М. Бестужев. Он не только стал правителем герцогства, но и утешителем герцогини и оставался в этом качестве до тех пор, пока неосторожно не представил ей своего

сотрудника Эрнеста Бирена – молодого красавца, выбившегося в люди, по некоторым данным, из конюхов.

Вернувшись после очередной поездки в Петербург, Бестужев был встречен Анной Иоанновной с необычной холодностью, а вскоре и вовсе был удален от двора. Последующие годы она жила частной жизнью в неафишированном сожителстве с графом (!), позднее герцогом (!!) Бироном. Эрнест Бирен, снедаемый тщеславием, изменил одну букву в своей плебейской фамилии, чтобы «породнить» себя со старинным французским дворянским родом; французы посмеивались над самозванцем, но не протестовали.

Выбор Верховного тайного совета, в котором ведущую роль теперь играли князя Голицыны и Долгорукие, пал на Анну Иоанновну не случайно. Верховному тайному совету понравилось положение высшего органа власти при малолетнем государе, и сановникам хотелось хотя бы отчасти его сохранить. Герцогиню считали непритязательной, так что корону ей можно было предложить на определенных «кондициях». Они выговорили себе право на безопасность и на то, что важные решения будут приниматься только с их одобрения. Иначе говоря, Анна Иоанновна должна была править совместно с Верховным советом. Особо оговаривалось, что в случае нарушения этих «кондиций» она лишалась короны.

То был революционный акт, менявший систему власти в России! На смену самодержавной тирании шла тирания групповая, то есть олигархия. Но для скромной герцогини шапка Мономаха стоила любых кондиций.

Однако еще до торжественного прибытия в Москву на коронацию новая царица имела возможность убедиться, что непомерное усиление восьми «верховников» не по душе сановникам менее высокого ранга. Воспользовавшись ситуацией, она отказалась от всех обязательств, подписанных всего несколько дней назад, а затем ликвидировала и сам Верховный совет. В Москве и Петербурге такая узурпация власти не вызвала ни сопротивления, ни удивления. Это тоже характерная черта деспотии: при монархическом строе отказ самодержца от данного им слова противоречил бы понятиям чести, пойти на него было бы непросто.

Фактическим правителем при Анне Иоанновне (1730–40) стал Эрнест Бирон. Опасаясь за власть императрицы и свою собственную, он обзавелся множеством лазутчиков, шпионов, провокаторов, соглядатаев и спешил дать ход каждому доносу. С возможными противниками власти расправлялись сурово. Особому вниманию удостоились недавние «верховники», дерзнувшие ставить императрице свои кондиции. Был заточен в крепость фельдмаршал князь Василий Долгорукий, отправлены в «вечную работу» (на каторгу) Юрий Долгорукий, князь Борятинский, Столетов. В 1739 году бироновская опричнина добралась до князей Ивана и Василия Лукичей Долгоруких, обвиненных в новом заговоре. Их подвергли казни колесованием и отсечением головы. Той же участи подвергли их главных сообщников, менее видных отправили в ссылку. Еще через полгода, по другому групповому делу, был казнен известный деятель той эпохи А.П. Волынский и часть его сторонников; других били кнутом и сослали в каторжные работы.

Однако обуздать противников Бирону не удавалось никакими жестокостями. На окраинах империи появлялись самозванцы, к которым стекались толпы недовольных. А в самом Петербурге некоторые видные сановники, окружая Бирона лестью и всячески демонстрируя ему свою преданность, в тайне готовили его падение.

Смерть Анны Иоанновны в 1740 году привела к новому кризису власти. На смертном одре она успела назначить преемником только что родившегося внучатного племянника Иоанна Антоновича – сына своей племянницы Анны Леопольдовны и ее мужа, герцога Антона Брауншвейского. Ввиду младенческого возраста императора при нем следовало поставить регента. Бирон сумел повернуть дело так, что виднейшие сановники высказались, в присутствии умиравшей императрицы, в его пользу. Горячее и убедительнее других за Бирона рато-

вал фельдмаршал Бюрхард-Христов Миних, гидростроитель и военачальник, взятый на русскую службу Петром и сильно возвысившийся при Анне Иоанновне. Такое решение и вписала в свое завещание царица.

Став единоличным правителем России не только номинально, но и формально, Бирон очень быстро понял, что положение его шаткое. Заплечных дел мастера одного за другим хватили офицеров, неосторожно высказывавших недоумение, почему не мать или отец младенца-императора, стал регентом, а Бирон. Скоро был схвачен «диссидент» подполковник Пустошкин, который составил коллективный протест и собирал подписи у офицеров. Чтобы укрепить свое положение, Бирон начал гонения на родителей младенца-императора, но этим только подлил масло в огонь.

Точно оценив обстановку, фельдмаршал Миних, заручившись согласием Анны Леопольдовны, под покровом ночи, с восемью десятками преданных ему молодцов, ворвался в покои Бирона, арестовал его, а правительницей объявил Анну Леопольдовну.

Низверженного Бирона приговорили к смерти, но затем приговор был смягчен. Всесильный временщик, десять лет тиранивший Россию, был отправлен в ссылку, в далекий сибирский городок Пелым, где ему был построен дом по проекту, сделанному самим Минихом.

Однако фельдмаршал Миних не получил при Анне Леопольдовне того положения, на которое имел основания претендовать. Интриги хитрого царедворца Андрея Ивановича Остермана отодвинули его на вторые роли. Все еще влиятельный Миних внезапно и очень тяжело заболел, что вызвало подозрение, будто его пытались отравить. Он выздоровел, но был окончательно оттерт от престола.

Без надежной опоры Анна Леопольдовна была обречена. В обстановке она разбиралась слабо, к укреплению своего положения не стремилась, да и не знала, что для этого делать. Она ссорилась с мужем, устраивала свадьбу своего любовника графа Линара, а в остальное время нечесаная и неодетая лежала в праздной задумчивости на софе, мечтая отнять трон у младенца-сына и провозгласить себя императрицей. В этих мечтах она прозевала новый заговор гвардии, которая вознамерилась возвести на престол дочь Петра Елизавету – ту самую, которую когда-то прочили в невесты малолетнему Петру II.

Когда Петр II умер, «ей было искушение предъявить свои права на корону»⁹. Точнее, искушение было не столько у самой Елизаветы, сколько у ее придворного врача Лестока, уроженца Ганновера, который вступил на русскую службу еще при Петре I, претерпел немало превратностей судьбы и, став личным врачом царевны Елизаветы, приобрел на нее большое влияние. Однако, нерешительная по характеру и не имевшая больших политических амбиций, Елизавета тогда отказалась от соблазна. При Анне Иоанновне она довольствовалась ролью «любимой племянницы» (фактически двоюродной сестры) императрицы. Блистая красотой и изысканным французским воспитанием, она царила на придворных балах; этим и удовлетворялось ее личное тщеславие. После смерти Анны Иоанновны положение Елизаветы Петровны изменилось. В Бироне, а затем в Анне Леопольдовне некоторые придворные круги видели представителей ненавистной неметчины, тогда как Елизавета Петровна, несмотря на превосходное французское произношение, представлялась им носительницей истинно русского духа.

Ее стали подбивать действовать, пугая, что в противном случае ей грозит заточение в монастырь. Пока она колебалась, о заговоре донесли Анне Леопольдовне. Зная кроткий нрав Елизаветы, та не поверила, но на очередном придворном балу она вызвала Елизавету Петровну в соседнюю комнату и напрямую спросила о ее замыслах. Елизавета отвергла все наветы. Августейшие родственницы обнялись и дружно расплакались. А на следующую ночь Елизавета Петровна явилась в казармы, заявила гвардейцам, что ей грозит опасность. Вместе с ними она ворвалась во дворец и низложила безмятежно спавшее брауншвейское семейство. Оно про-

⁹ Н.И.Костомаров. Указ. соч., кн. 2. С. 707.

царствовало немногим более года. Когда кормилица принесла так и не проснувшегося младенца-императора, Елизавета взяла его на руки и со словами «Бедное дитя! Ты ни в чем не винно; виноваты родители твои!» – понесла его к саням. В чем были «виноваты» родители, она не уточняла. Одновременно были арестованы Андрей Остерман, фельдмаршал Миних и другие сановники свергнутой администрации.

В ночь переворота, не будучи еще уверенной в успехе, трусившая Елизавета Петровна горячо молилась и дала обет: взойдя на престол, отменить смертную казнь. И, надо отдать ей должное, никогда не забывала об этом. Правда, закона об отмене смертной казни при ней принято не было, в ходу оставались самые жестокие приговоры. Так, Остермана, который тщетно предупреждал Анну Леопольдовну о заговоре, приговорили к казни колесованием, а фельдмаршала Миниха – четвертованием. Поднявшись на эшафот, оба выслушали указ новой императрицы о замене страшной казни менее страшной: отсечением головы. А вслед за тем – указ о даровании жизни.

Местом заточения Миниху был назначен тот самый Пелым, куда он годом раньше отправил Бирона. Соседями им стать не довелось, так как Бирону от новой императрицы вышла поблажка. Новым местом ссылки ему был определен Ярославль. Пока Миниха везли в Пелым, Бирон возвращался из Пелыма. «Враги встретились при перемене почтовых лошадей в предместье города Казани, сняли друг перед другом шляпы, поклонились один другому и поехали каждый в свою сторону, не обменявшись ни единым словом», – живописал Н.И. Костомаров¹⁰.

Верная принятому обету, Елизавета Петровна не стала добивать свергнутых соперников. Редкий случай в истории борьбы за самодержавную власть. В своем манифесте, изданном сразу же после восшествия на престол, 28 ноября 1741 года, она заявила, что низложенное семейство будет выдворено за границу, где ему будет предоставлена полная свобода. Однако отправленный из столицы картеж, по секретному предписанию императрицы, двигался так медленно, что путь от Петербурга до Риги занял больше четырех месяцев. За это время, как и следовало ожидать, «открылись новые обстоятельства». Сопровождавший брауншвейцев граф Салтыков получил предписание задержать их и посадить под стражу. Затем из Риги поступил донос о том, что Анна Леопольдовна якобы намеревается бежать, переодевшись в крестьянское платье. Это дало повод засадить семейство в крепость.

Но и этим преследования несчастного семейства не кончились. Рига располагалась слишком близко к западной границе, чтобы императрица могла спать спокойно. Пленникам снова приказали складывать пожитки. Путь на этот раз был намечен дальний – на Соловки. Но добраться до них в те времена было непросто. Опальное семейство осело в Холмогорах, на берегу Белого моря, где и пребывало под строгим домашним арестом. Елизавета Петровна бдительно следила за ним из Петербурга, ей докладывали о каждом произнесенном или написанном слове. Когда низложенному императору Иоанну исполнилось 16 лет, беспокойство императрицы возросло настолько, что она велела отделить его от родителей и запрятать в Шлиссельбургскую крепость.

Тем не менее, о заживо погребенном императоре не забывали. В тайной канцелярии императрицы не прекращались расследования значительных и незначительных заговоров, неясных слухов и пустой похвалы. Людей хватили, бросали в застенки, пытали на дыбе, на медленном огне. Арестованные показывали то, что было и чего не было, и почти во всех случаях истинные или мнимые заговорщики указывали на Иоанна Антоновича как на альтернативу Елизавете.

¹⁰ Костомаров, Н.И. Указ. соч., кн. 2. С. 599.

Отказавшись от обычного способа расправы с низвергнутым соперником – его убийства, – Елизавета Петровна обрекла себя на то, чтобы жить в страхе и постоянной тревоге.

«Император, так легко сведенный с престола, так заботливо заключенный и для всего мира неведомый, во всю жизнь Елисаветы стоял перед ней привидением до ее кончины, – подытожил Н.И.Костомаров. – Это привидение не давало ей надолго забываться в своем величии. То здесь, то там появлялся страшный призрак и появлялся в разных видах, при различной обстановке. То внутренние заговоры грозили Елисавете Петровне возвращением на свет низложенного императора, то пугало ее опасение, что враждебные ей государи поднимут против нее знамя с именем императора Иоанна»¹¹.

Впрочем, как показывало прошлое, а затем и будущее российского самодержавия, живой Иоанн Антонович был для императрицы менее опасен, чем мертвый: он исключал появление Лже-Иоаннов, которые могли бы, при благоприятных обстоятельствах, представлять для ее власти куда большую угрозу.

¹¹ Там же, кн.2. С. 742.

Псевдо-Романовы

...В 1913 году торжественно праздновалось 300-летие царствования Романовых. В основе мероприятия лежала ложь, окутывавшая всю историю Российского самодержавия, так как со смертью Елизаветы Петровны (1761) династия Романовых перестала существовать.

Тайно выйдя замуж за простого казака Алексея Разумовского, Елизавета не могла провозвести на свет наследника престола. Своим наследником она объявила племянника Карла-Петра Ульриха, сына своей сестры Анны, которая была замужем за герцогом Гольштейн-Готтопским Карлом-Фридрихом – сыном шведского короля Карла XII. Того самого короля, которого Петр I разгромил в знаменитой Полтавской битве. При крещении в православную веру наследнику дали имя Петр Федорович. С ним во главе России утвердилась Пфальц-Цвайбрюккенская династия, которая, однако, продолжала называться Романовской.

Самозванщина всегда играла выдающуюся роль в истории российского самодержавия. Зафиксировано более шестисот самозванцев, выдававших себя за чудесно спасшихся или никогда не существовавших царей, наследников престола или членов царской фамилии. Самозванные престолонаследники российского престола появлялись до последнего времени – об этом у нас речь впереди. Удивляться этому не приходится, если помнить, что с воцарением Петра III самозванщина утвердилась на российском престоле.

Правда, сам Петр Федорович в этом повинен не был. Привезенный в Россию в качестве наследника престола, он не интересовался ею, боялся ее и был уверен, что найдет в ней свою погибель. Царствовать ему довелось всего полгода. Он был сметен все той же гвардией, которая возвела на престол его жену, урожденную принцессу Софью Фредерику Анхальт-Цербскую, ставшую императрицей Екатериной II.

Екатерина была не только одной из самых великих российских самодержиц, но и самой выдающейся узурпаторшей. Она лишила престола мужа, которого умертвила руками своих сатрапов, отняла трон у сына Павла Петровича, который должен был наследовать отцу, и ужесточила режим заключения свергнутого Елизаветой Иоанна Антоновича. Через два года, когда офицер Мирович сделал безумную попытку освободить Шлиссельбургского узника, Иоанн Антонович был убит «при попытке к бегству». Стража могла отважиться на убийство, только имея на то твердое распоряжение Екатерины. Уместно вспомнить и о судьбе загадочной княжны Елизаветы Таракановой, которая выдавала себя или на самом деле была незаконной дочерью Елизаветы Петровны. Неимоверные старания приложили сатрапы Екатерины, чтобы выследить ее в Европе, выкрасть, вывезти в Россию, где она, скорее всего, была умерщвлена в каземате Петропавловской крепости, хотя, по официальной версии, отраженной в знаменитой картине К.Д. Флавицкого, погибла во время наводнения. Даже если бы княжна Тараканова и вправду была дочерью Елизаветы, то никаких прав на российский престол у нее бы не было. Но у Екатерины их было еще меньше, потому княжна была ей опасна даже в каземате.

Дальновидная Екатерина хорошо понимала ненадежность своего положения. Венец она получила из рук высшего дворянства и офицерства, и оно могло сбросить ее с престола так же легко, как и возвело. Уже через несколько месяцев после ее воцарения там и здесь стали объявляться самозванцы, выдававшие себя за «чудесно спасенного» Петра III. Любой из них при желании мог быть использован против нее. Поэтому Екатерина, царствовавшая более тридцати лет, с 1762 по 1796-й, всю жизнь задабривала свое окружение, щедро наделяя сановников огромной властью, гигантскими латифундиями, тысячами крепостных крестьян, а многих также и своим пышным телом.

Несмотря на все усилия, Екатерина чуть было не лишилась всего, когда тень убитого мужа приняла облик Емельки Пугачева, двинувшего на Москву орды казаков, инородцев и

примыкавшей к ним гольтьбы. В это критическое время и сработала политика задабривания дворянства и офицерства: защищая Екатерину, они защищали свое достоинство.

Екатерина пыталась быть просвещенной государыней, но до конца дней боялась крамолы и допускала просвещение лишь в удобных ей рамках. Она запретила масонские ложи, игравшие важную просветительскую роль, так как властям трудно было их контролировать. По-видимому, важный мотив гонений на масонов состоял в подозрении, что к ним примкнул наследник престола Павел Петрович, который может их использовать против нее. Страх подпитывало сознание того, что Павел, как законный сын Петра III, имел все права на престол, тогда как она не имела никаких. Впрочем, происхождение Павла – одна из неразгаданных тайн царствовавшего дома. Историки высказывали веские соображения о том, что его настоящим отцом был не Петр Федорович, а один из «фаворитов» Екатерины – граф Салтыков. Она и сама намекала на это в своих воспоминаниях. Если так, то все последующие Романовы были даже не Пфальц-Цвайбрюккенской династии, а – Салтыковской.

Опасаясь, что сын лишит ее трона, Екатерина вознамерилась лишит трона его самого. Она знала, что он не одобряет ее политики и в корне все переменит после ее смерти. Поднять руку на сына, как это сделал Петр I, она не решилась, но задумала обойти его, передав престол внуку. Юный Александр Павлович был изолирован от отца и воспитывался под присмотром бабки – в духе ее воззрений. Однако с официальным провозглашением его наследником Екатерина медлила. Умерла, так и не сделав этого (то есть почти повторив Петра). Трон все-таки перешел к сыну.

Взойдя на престол, 42-летний Павел Петрович первым делом устроил торжественное перезахоронение тела Петра III, причем во главе процессии заставил шагать перепуганного старенького графа Алексея Орлова, того самого, который, по прямому или косвенному указанию Екатерины, прикончил императора. Этим Павел продемонстрировал, что прежней малины для сатрапов покойной матери не будет. Заодно он показал свою преданность памяти венценосного отца, дав понять, что не потерпит толков о двусмысленности своего происхождения.

Еще за восемь лет до кончины Екатерины Павел подготовил Акт о престолонаследии. Он выстрадал необходимость этого закона, ибо отсутствие такового обрекло его на прозябание в наследниках до седых волос. Акт был опубликован в день коронации Павла, что подчеркивало его значимость. Составлен он был на немецкий манер, в форме договора между наследником престола и его супругой. Значение этого документа в российской истории невозможно переоценить. Акт впервые подрывал основные принципы деспотического правления, давая возможность обеспечить легитимность верховной власти и ее передачи преемнику.

Увы, самого Павла Акт о престолонаследии не спас. Обуздав дворцовую камарилью своей матушки жесткими мерами, Павел обрек себя на верную гибель, а заодно и на посрамление в глазах потомства. Ни одного российского венценосца не изображали таким самодуром и полумком, как Павла Петровича. К этим характеристикам следует относиться скептически, памятуя, что они исходят из лагеря его хулителей и убийц. Как писал – уже в XX веке – А.А. Ухтомский (князь, физиолог, будущий академик, знаток русской старины), «у меня недоброе чувство, когда я хожу по кладбищу и читаю... имена на напыщенных памятниках. И у меня – по контрасту – доброе чувство к несчастному Павлу: должно быть, было в нем что-то действительно прекрасное, если эти негодяи и прохвосты озаботились его задавить!»¹²

В ночь на 12 марта 1801 года отряд заговорщиков, заручившихся согласием Александра, ворвался в Михайловский замок, выстроенный для себя и своей семьи Павлом. Заговорщики сняли немногочисленную охрану и ворвались в опочивальню императора. Заслышав шум, Павел вскочил с постели и заметался по комнате. Толкнулся в дверь на лестницу, которая вела

¹² Подробнее см: Резник С. Против течения: Академик Ухтомский и его биограф, Спб., «Алетейя», 2015. С. 159.

вниз, в покои императрицы. Но дверь, по его собственной воле, была заперта: Павел был в ссоре с женой, запертая дверь в ее покои символизировала его к ней немилость. Оказавшись в западне, император, как был в ночной рубашонке, скользнул в камин. Оттуда его и вытащили за пятку. Основательно измордовав, задушили. Официально император умер от апоплексического удара.

Александр, ожидавший исхода рискованной операции в другой половине дворца, пытался разыграть роль безутешного сына, который якобы не ожидал кровавой развязки. Но глава заговора граф П.А. Пален не дал ему доиграть. Схватив новоиспеченного императора за руку, он вытолкнул его на балкон – показаться народу, сказав при этом свою «историческую» фразу: «Довольно ребячиться, Ваше величество, ступайте царствовать!» Вскоре Пален был отстранен от дел, сослан в свое имение, где раз в год, в ночь на 12 марта, в память о совершенном перевороте, напивался в стельку.

Через несколько лет, когда посетившая Россию французская писательница Анна Луиза Жермена де Сталь узнала о подробностях переворота, она определила суть российской системы власти кратким афоризмом. Вот он в переводе Пушкина: «Самовластье, ограниченное удавкой».

То, что самодержавная власть российского императора в любой момент может быть «ограничена» его свержением с престола и даже убийством, прекрасно сознавал и тогдашний царь Александр I, один из самых интересных и противоречивых российских венценосцев. С его именем связаны победа над Наполеоном, несомненные успехи просвещения, реформы Сперанского, и – одновременно – аракчеевские военные поселения, преследования молодого Пушкина, виртуозное двуличие и лицемерие. Для удержания власти и личной безопасности он принял особые меры.

Поскольку у Александра не было детей, наследником престола числился его брат Константин, получивший титул цесаревича. Александр отправил его подальше от Петербурга, поставив наместником в Царстве Польском. Когда Константин Павлович влюбился в шляхетку не царского происхождения и решил на ней жениться, Александр воспользовался ситуацией, чтобы еще сильнее упрочить свое положение. Законом о престолонаследии оговаривалось, что царственная особа не может находиться в браке с нецарственной особой, в противном случае она лишается прав на престол. Александр поставил брату ультиматум: либо отказаться от женитьбы, либо от престола. Константин выбрал семейное счастье и подписал официальное отречение. Наследником-цесаревичем стал следующий по старшинству сын Павла – Николай. Вроде бы все ясно. Однако Александр велел держать в секрете отречение Константина и сохранил за ним титул цесаревича, тогда как Николай оставался великим князем. В обществе ходили неясные слухи, но наверняка ничего не было известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.